

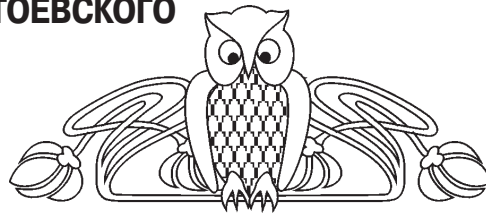

УДК 821.161.1.09-3+929 Достоевский

ОСОБЕННОСТИ МЕМУАРИСТИКИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО НА СТРАНИЦАХ «ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ»

Д.Н. Целовальникова

Саратовский государственный университет,
кафедра английского языка и межкультурной коммуникации
E-mail:sto_jet2@mail.ru

Мемуарные страницы «Дневника писателя» являются отражением фактов общественно-политической жизни общества и литературы в личности Достоевского и обуславливают то нерасторжимое единство личного и общего, которым отличается жанр «Дневника». Особый интерес представляют страницы, которые посвящены писателям-современникам и помогают разностороннему и полному освещению литературных явлений того времени.

Ключевые слова: мемуаристика, жанровая диффузия, дневник, биографический, современники.

F.M. Dostoevsky's «The Writer's Diary»: Characteristics of Memoir Component

D.N. Tzelovalnikova

The memoir pages of "The Writer's Diary" reflect the public and political side of Dostoevsky – the man of letters, where the universal and the private are characteristically for "The Diary..." closely interwoven. The pages devoted to Dostoevsky's contemporary authors in particular help to see deeper into the literary process of the period.

Key words: memoirs, genre diffusion, diary, biographical, contemporaries

Побудительной причиной для создания мемуаров служит желание осмыслить свою жизнь, становление своего характера и в этом процессе найти отражение важных общественных проблем, поставленных эпохой и вытекающих для современности уроков. Особое внимание ко дню вчерашнему, вызываемое стремлением понять истоки дня сегодняшнего, стремительно развивавшиеся события общественной жизни России середины XIX в. и ощущение близости перемен, вызвали в эти годы повышенный интерес к мемуарной литературе.

Мемуары русских писателей-реалистов отличались широтой изображения жизни. В мемуарах обычно совмещалось несколько жанровых разновидностей: воспоминания, записки, дневники, автобиография. «Былое и думы» Герцена и «История моего современника» Короленко представляют собой одновременно и достоверный исторический источник, и выдающееся произведение искусства. «Семейная хроника» Аксакова – своего рода пример художественных мемуаров.

Более того, мемуаристика часто становилась лабораторией, где добывалось то новое, что затем обогащало другие жанры. Формирование мемуаристики шло по разным направлениям: литературный портрет, с явной тенденцией к типизации,

беглая зарисовка отдельного реально-бытового момента и характеристики, связанные с литературной критикой. В последней трети XIX в., когда не было критика, способного осмыслить и оценить творчество великих русских писателей, литературно-критический пафос мемуаров был важен и актуален.

Достоевский полагал, что авторитет его творчества дает ему право обратиться к читателям, русскому обществу прямо и непосредственно, руководствуясь собственными убеждениями писателя и общественного деятеля. Немаловажную роль играл и «педагогический» пафос, отчетливо проявившийся в его мироотношении в целом. Писатель испытывал страстное желание говорить напрямую с читателем, непосредственно влиять на ход социального развития, вносить незамедлительный вклад в улучшение отношений между людьми. Все это и побудило его в 1870-е гг. к созданию своеобразнейшего в жанровом отношении произведения – «Дневника писателя».

«Дневник писателя» отчетливо демонстрирует напряженное взаимодействие мировоззренческого и эстетического уровней в творческом сознании Достоевского. Художественное изображение в «Дневнике писателя» есть результат авторского отбора, и Достоевский, фиксируя многочисленные, наиболее значимые с его точки зрения факты современной ему действительности, организует их в концепционно единое целое. При этом его собственная позиция важнее изображаемых событий, он обнажает механизм своего мировоззренческого освоения действительности и тем самым учит правильному прочтению своих произведений. Он как бы ведет читателя по реальной жизни, неизменно находясь с ним рядом и комментируя и явления, открыто убеждая его в правомерности тех, а не иных трактовок и выводов. По художественному пространству его романов читатель пойдет уже сам, поскольку в соответствии с полифонической природой своего творчества Достоевский редуцирует свою единственно истинную оценку изображаемых событий. Читатель должен самостоятельно, без доминирующего авторского слова дойти до нее по вехам сюжетных ситуаций, параллельных сцен, героев и идей-двойников. По мнению В.В. Смирновой, Достоевский обратился к жанровой форме «Дневника писателя» в немалой степени для

того, чтобы «компенсировать отсутствие непосредственного общения с читающей публикой, обусловленное структурой авторского начала в полифоническом романе»¹.

«Дневник писателя» является отчетом обо всем, что представляло интерес для Достоевского лично, для России, ее будущего. В творчестве Достоевского мы наблюдаем своеобразную жанровую сложность, «жанровую диффузию» в рамках русского реализма второй половины XIX в. – он познает жизнь во множестве, в совокупности всех ее глубинных связей. Именно поэтому такое большое значение приобретают мемуарные страницы «Дневника писателя», в частности те из них, которые посвящены его собратьям по перу и помогают разностороннему и полному освещению литературных явлений того времени.

По своей форме «Дневник писателя» близок к журналу. В нем, как и в любом журнале, есть и публицистические, и литературно-критические статьи, и очерковые образные зарисовки «текущих представляющихся фактов», и собственно художественные произведения – рассказы, повести. И в то же время «Дневник писателя» – это не журнал. Опубликованные в нем произведения принадлежат перу одного автора и объединены общностью замысла. По мнению Г.М. Фридлендера, используя их в соответствии с общими задачами «Дневника», Достоевский строит на этой основе особый, оригинальный жанр, образующий неповторимое художественное единство².

Характеризуя в общих чертах материал «Дневника писателя», можно выделить некие узловые моменты, вокруг которых концентрируется содержание отдельных выпусков издания. Одни и те же темы освещаются параллельно и в публицистике Достоевского, и в художественных произведениях, включенных в состав издания. В.А. Туниманов выделяет в тематическом комплексе каждого выпуска три обширных круга проблем, к которым постоянно обращается Достоевский-публицист. Это выступления писателя по юридическим вопросам (процессы Кронеберга, Каировой, Корниловой, Джунковских), политические статьи по Восточному вопросу и многообразный собственно литературный пласт «Дневника»: художественные произведения, мемуарные фрагменты, некрологи и речи о писателях, критические статьи и бесчисленные, имеющие исключительную ценность, эстетические фрагменты³.

Рассматривая «Дневник писателя» как своего рода творческий самоанализ и самоотчет Достоевского перед собой и перед «другими» – читателями, критиками, литераторами, современниками и потомками, можно утверждать, что выявление законов, по которым строится и живет собственно художественный мир писателя, в «нехудожественных» его рассуждениях применительно к Достоевскому актуально и органично. Ведь, подобно другим великим писателям последней трети XIX в., он так и не нашел адекватного свое-

му таланту критика и должен был сам разьяснять читающей публике смысл своих произведений и особенности своей поэтики.

Мемуарные фрагменты в «Дневнике писателя» представлены воспоминаниями о писателях-современниках, о петрашевцах и автобиографическими зарисовками. Воспоминания о писателях-современниках – это либо небольшие главки, например, посвященные Герцену и Белинскому, либо целая глава, например, некролог и очерк творчества Некрасова в декабрьском выпуске 1877 г. Образцом литературной критики является подробный разбор романа Толстого «Анна Каренина». Примечательно, что жанр литературной критики на страницах этого издания весьма своеобразен. По мнению В.В. Смирновой, разговор Достоевского о литературе вообще и русской литературе и ее задачах в частности, о типах, о простом копировании действительности и художественных картинах с «нравственным центром», оценки произведений современников и мировой классики «в «Дневнике» не изолированы, а возникают и разворачиваются в единстве более общих размышлений писателя о характере русской пореформенной действительности, отталкиваясь от злободневных, жгучих вопросов и фактов»⁴. Даже в своих литературно-критических оценках Достоевский рассматривает творчество писателей-современников в нравственной доминанте, неразрывной связи с социальными и насущными проблемами жизни.

Большое значение в мемуарном комплексе «Дневника» имеют мемуарные очерки Достоевского о Белинском и Герцене, самых значительных представителей той эпохи, когда молодой писатель вошел в литературу. Во вступлении к «Дневнику писателя» за 1873 год он приводит анекдот, рассказанный ему Герценом. Когда Белинский прочел Герцену свою статью «Разговор между господином А. и господином Б.», где сам Белинский выставлен очень умным, а оппонент его поплосше, тот заметил, что «видно, что ты очень умен, но только охота была тебе с таким дураком время терять». В ответ на это «Белинский бросился на диван, лицом в подушку, и закричал, смеясь, что есть мочи: Зарезал! Зарезал!» [21,8]. Эта беглая зарисовка характеризует Белинского с неожиданной стороны, добавляя еще одну черту в портрет великого русского критика. В то же время, упомянув книгу «С того берега» Герцена, рассказав притчу о нем и о споре между «господином А. и господином Б.», Достоевский «подготовил читателей к восприятию избранной им диалогической манеры изложения, при которой, с целью отыскания истины, он будет сталкивать в открытом диспуте аргументы равных по силе оппонентов»⁵.

Далее, в статье «Старые люди», Достоевский продолжает раздумья об исторической роли поколения 1840-х гг., начатые им в «Бесах», где Степан Трофимович Верховенский воплощал

обобщенный тип «идеального западника». Достоевский сделал попытку дать мемуарные очерки о Белинском и Герцене как самых значительных представителях той эпохи, оказавших, каждый по-своему, огромное воздействие на его формирование как художника и мыслителя.

Достоевский вспоминает свою первую встречу с Белинским, «каким я его тогда встретил и как он меня тогда встретил» [21, 8]. Несколькими яркими чертами он рисует портреты Белинского и Герцена, перемежая мемуарные фрагменты, воспоминания об их встречах с рассмотрением их общественно-политических взглядов и литературной критикой, свои впечатления и воспоминания – с биографическими фактами. Достоевский подчеркивает, что их социально-политические взгляды были диаметрально противоположны тому образу жизни, который они вели – оба они отрекались от основ прежнего общества, собственности, семейства, но при этом и Герцен, и Белинский были хорошими мужьями и отцами.

Эта глава имеет первостепенный интерес для понимания идейно-политических взглядов Достоевского, а идея противопоставления христианства и социализма становится сквозной для публицистики и творчества автора. При этом Достоевский стремится создать живое впечатление, его литературным портретам свойственна некая «броскость» изображения, которая достигается за счет личностного элемента в его отношении к писателям-современникам и литературно-критического пафоса этих описаний. Более подробно Достоевский снова описывает свое блестящее вступление в литературу в январском номере за 1877 г. в главе «Русская сатира. “Новь”. “Последние песни”». Старые воспоминания».

Жанровое разнообразие и своеобразие мемуаров Достоевского на страницах «Дневника писателя», внутреннюю сложность мемуаристики второй половины XIX в. можно представить, сравнив его воспоминания о последней встрече с Некрасовым и стихотворение в прозе Тургенева «Последнее свидание». Перед нами в конечном итоге два воспоминания, одно из которых входит в состав литературного пласта «Дневника писателя» и написано в мемуарном жанре, а другое художественное произведение. Для того чтобы понять специфику мемуарного метода Достоевского, сопоставим эти два разных по жанру произведения одного и того же события.

Стихотворение в прозе Тургенева «Последнее свидание»⁶ – о его последней встрече с Некрасовым написано уже после смерти поэта, в 1878 г. и является художественно оформленными мемуарами. В начале стихотворения нет никакой конкретики, ни причин разногласий – «... настал недобрый миг...», ни названия города, хотя речь идет о Петербурге, – «город, где он жил», нет даже имени Некрасова. Живописности мало, Тургенев скупно, в репортажном стиле описывает свой приход к нему. Далее происходит переход от репортажного

очерка к мемуарам, облеченным в стихотворение в прозе и подробный портрет умирающего друга. В конце стихотворения определенность вытесняют философские обобщения, конкретная человеческая судьба предстает как некий жизненный закон: описывается внезапное появление «белой женщины», которая соединяет их руки и словами «смерть нас примирила» Тургенев подводит итог и своей дружбе с Некрасовым, и его жизни.

Достоевский посвящает Некрасову почти целиком главу последнего декабрьского выпуска «Дневника писателя» за 1877 год [26; 11–126]. Глава написана в форме некролога, при этом очерк творчества русского поэта неотделим от литературной критики. В отличие от Тургенева, Достоевский начинает свой некролог предельно скупно и конкретно. Несколькими яркими чертами он рисует портрет умирающего, создавая живое впечатление, «броскость» описания. Потом он указывает точные дату и время ухудшения состояния Некрасова и его смерти. От скупого изложения фактов Достоевский переходит к подробному описанию впечатления, которое на него произвело последнее посещение умирающего, и тот отклик в его душе, который вызвала смерть человека, бывшего его другом в юности. Придя домой в тот вечер, он «не мог уже взяться за работу». Он перечитывает до самого утра три тома Некрасова и вспоминает, как будто проживает снова последние тридцать лет.

Достоевский припоминает «несколько мгновений, в которые, раз навсегда, обрисовался передо мною этот загадочный человек самой существенной и самой затаенной стороной своего духа», подробно описывая их недолгую душевную близость и скупно, намеками говорит о скором их отчуждении. «Помогли и недоразумения, и внешние обстоятельства, и добрые люди» [26; 111]. В отличие от Тургенева, у которого просто «настал недобрый миг – и мы расстались, как враги».

Далее следует подробное описание похорон, в котором неразрывно связаны воспоминания о речи самого Достоевского на могиле поэта, реакция молодежи на его слова. Воспоминания о личности Некрасова перемежаются литературной критикой его творчества. Следующая часть второй главы содержит развернутую характеристику и оценку поэзии Некрасова, его места в ряду русских поэтов, которые «приходили с новым словом».

Мемуарные фрагменты чередуются с фрагментами литературной критики: воспоминания о литературном дебюте в самом начале знакомства с Некрасовым, ссылке в Сибирь, перемежаются впечатлениями о первом прочтении стихов Некрасова, осознании величины его поэтического дара и роли стихов Некрасова в жизни автора «Дневника». Достоевский стремится осмыслить творчество Некрасова в контексте русского национального сознания, а также дать во многом обоснованное объяснение подкупающей искренности его поэзии.

Еще один яркий пример литературно-критического пафоса мемуарных фрагментов «Дневника писателя» присутствует в подробном разборе романа Толстого «Анна Каренина». И Достоевский и Толстой, великие писатели-современники, пристально следившие друг за другом, хотя и не были лично знакомы, но испытывали потребность личного и творческого общения друг с другом. Известно, что судьба не раз сводила их весьма близко, однако их личная встреча так и не состоялась. Несмотря на это, по мнению многих исследователей, духовное и творческое общение Толстого и Достоевского было весьма интенсивным и многообразным.

Достоевский восторженно встретил появление романа «Анна Каренина», посвятив ему ряд статей в «Дневнике писателя». В статье «Один из главнейших современных вопросов» в февральском выпуске «Дневника» за 1877 г. Достоевский говорит о своей попытке «как можно меньше говорить о текущих явлениях русской словесности», признавая, что он руководствуется при этом опасением быть обвиненным в пристрастности. Достоевский не совсем справедлив к себе: литературно-критический пласт «Дневника» 1876 г. содержателен и разнообразен, но значительных явлений современной русской литературы он действительно почти не затрагивал, хотя и задумывал для него статью о Гоголе, Щедрина и русской сатире. В «Дневнике» 1877 г. Достоевский многократно нарушает когда-то поставленное им себе правило не писать о литературных новинках, хотя и делает это не «в чисто беллетристическом и критическом смысле (...) а (...) “по поводу”» [25;51].

Обосновывая это отхождение от своего правила, он говорит о том, что он прочел «три-четыре страницы настоящей «злобы дня», – все, что есть важнейшего в наших русских текущих политических и социальных вопросах, и как бы собранное в одну точку». Достоевский внезапно почувствовал некое духовное родство с Толстым, он ощутил в романе Толстого то же стремление к постановке основных, остро болезненных вопросов русской и общеевропейской жизни, какое испытывал он сам. Описывая сцену болезни героини, встречи Каренина и Вронского, он говорит: «И вот вдруг все предубеждения мои были разбиты... и я понял всю существенную часть целей автора».

Так же восторженно Достоевский говорит о другой сцене, отвечающей «настоящей «злобе дня», о разговоре Стивы Облонского и Левина на охоте, где Облонский «в сущности, подписав приговор всей России и осудив ее, равно как своей семье, будущности своих детей, прямо объявляет, что это до него не касается». Он не ожидал, что автор решится довести своих героев до таких «столпов», покажет «самое главное и самое тревожное в этой же жизни». В образе Левина он видит «наступающую будущую Россию честных людей, которым нужна лишь одна правда» [25;57].

Необходимо отметить, что после опубликования Толстым восьмой главы «Анны Карениной» Достоевский значительно пересмотрел свое отношение к образу Левина.

Роман Толстого находится в центре июльско-августовского номера «Дневника писателя». Предыдущий выпуск «Дневника» был почти целиком посвящен обострению Восточного вопроса. При этом, по признанию самого Достоевского, в его сознании тесно переплелись и сложным образом совпали впечатления от двух, казалось бы, во всех смыслах различных фактов – литературного («Анна Каренина») и политического (освободительная война): «...факт впечатления от романа, от выдумки, от поэмы совпал в душе моей, нынешней весной, с огромным фактом объявления теперь идущей войны, и оба факта, оба впечатления нашли в уме моем действительную связь между собою и поразительную для меня точку обоюдного соприкосновения» [25;195]. Эти события и определили критический пафос отзыва Достоевского. Но, по мнению А.И. Батюто, «именно эта “действительная” связь между литературным и политическим фактами русской и европейской жизни 1870-х годов позволила Достоевскому, единственному из современников Толстого, найти верный масштаб для критической оценки “Анны Карениной” и поставить вопрос об историческом и мировом значении русского романа»⁷.

По ряду формальных признаков литературно-критические страницы «Дневника писателя» совершенно определенно несут в себе черты мемуарного жанра: им свойственны фактографичность, отказ от «игры» сюжетом, от нарочито художественных приемов. Предваряя разбор романа Толстого описанием своего разговора с «одним московским знакомым», Достоевский обращается к событиям прошлого, переосмысляя их по прошествии некоторого времени с точки зрения дня сегодняшнего. С высоты накопленного опыта Достоевский оценивает значение «Анны Карениной» в контексте не только русской литературы, но и самых основных, остро болезненных философских вопросов русской и европейской жизни XIX в. Достоевский неизбежно обращается к переоценке прошлых событий, перемежая свои воспоминания с оценочными суждениями и размышлениями о духовном состоянии общества и тенденциях исторического процесса.

На страницах «Дневника писателя» Достоевский неоднократно возвращается к воспоминаниям о петрашевцах. Примечательно, что в статье «Одна из современных фальшей» 1873 г. Достоевский несколько раз говорит «мы, петрашевцы», тогда как обычно ему было свойственно постоянное противопоставление «я» и «они», т.е. повышенное сознание своей исключительности. Тем самым он подчеркивает свою идею о том, что освободительные идеи исторически закономерно привлекали к себе в России умы не худшей, а лучшей части молодежи. Ведя полемику с со-

трудником «Русского мира», Достоевский, с одной стороны, дал комментарий к своим «Бесам», с другой – изложил свой взгляд на современное общественное движение и его исторические корни и вновь заглянул в свою душу, душу молодого человека, приносящего себя в жертву народному счастью.

Достоевский мыслит себя представителем сложного общественного и литературного развития в России за три десятилетия. Потому так постоянно и естественно в процессе обсуждения самых горячих вопросов современности Достоевский переходит к рассказу о себе. В «Дневник писателя» включены целые биографические главы: «Старые люди», «Нечто личное», «Одна из современных фальшей» (1873), «Одно слово по поводу моей биографии», «Мужик Марей», «За умершего» (1876), «Русская сатира. Старые воспоминания», «История глагола “штушеваться”» (1877). Кроме того, по мнению Л.М. Розенблюм⁸, «биографизмом» проникнуто все повествование «Дневника».

В «личной» теме «Дневника» особенно выделяются Достоевским те события прошлого, которые, будучи вехами его собственной жизни, имеют «назидательный» смысл: «Человек (...) уже по самой необходимости наклонен отмечать как бы точки в своем прошлом, чтобы по ним потом ориентироваться в дальнейшем и выводить по ним хотя бы нечто целое, для порядка и собственного назидания» [24;44]. При этом «собственное назидание» в «Дневнике» становилось общественным. Такие «точки» биографии, к которым чаще всего обращается писатель, – годы детства и юности с воспоминаниями о мужике Марее и фельдъегерской тройке, блестящее вступление в литературу с романом «Бедные люди» и встречи с Белинским, незабываемые минуты «смертного страха» на Семеновском плацу и годы сибирской каторги.

Мемуарные страницы «Дневника писателя» являются отражением фактов общественно-

политической жизни общества и литературы в личности Достоевского и определяют то нерасторжимое единство личного и общего, которым отличается жанр «Дневника». Достоевский расширяет причинность и обусловленность частного случая, ведя читателя от понимания духовного масштаба русского народа до осознания тех общественно-политических перемен, значение которых еще не было до конца осмыслено и требовало публицистического разрешения вопроса. Факты и воспоминания включены в определенную концепцию о народе, России и мировоззренчески освоены. Особое место занимает литературно-критический аспект в стремлении Достоевского осмыслить творчество писателей-современников в контексте русского национального сознания.

Примечания

- 1 Смирнова В.В. Ф.М. Достоевский о своем реализме на страницах «Дневника писателя» // Писатель. Критик. Журнал: Сб. науч. тр. Саратов, 2007. С. 43.
- 2 Фридендер Г.М. Примечания // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Л., 1981. Т. 22. С. 279. Далее произведения Достоевского цитируются по этому изданию с указанием в тексте в скобках тома и страницы.
- 3 Туниманов В.А. Публицистика Достоевского. «Дневник писателя» // Достоевский-художник и мыслитель. М., 1972. С. 167–168.
- 4 Смирнова В.В. «Дневник писателя». К проблеме творческого самоанализа Ф.М. Достоевского // Русская литературная критика. Саратов, 1988. С. 67–68.
- 5 Туниманов В.А. Указ. соч. С. 183.
- 6 Тургенев И.С. Последнее свидание // Тургенев И.С. Собр. соч.: В 5 т. М., 1994. Т. 3. С. 495.
- 7 Батюто А.И. Примечания // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Л., 1981. Т. 25. С. 337.
- 8 Розенблюм Л.М. Творческие дневники Достоевского. М., 1981. С. 56.

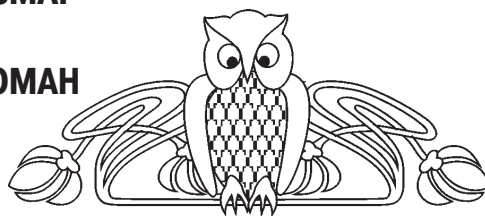
УДК 821.112.2.09.:316.255+929 Зиммель

ТЕОРИЯ УРБАНИЗМА И ПРАКТИКА МОДЕРНИЗМА: ЭССЕ ГЕОРГА ЗИММЕЛЯ «БОЛЬШИЕ ГОРОДА И ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ» И МОДЕРНИСТСКИЙ РОМАН «БОЛЬШОГО ГОРОДА»

А.Г. Кабисов

Саратовский государственный университет,
кафедра зарубежной литературы и журналистики
E-mail: KabAG@mail.ru

В статье анализируется один из основополагающих текстов теории урбанизма – эссе Георга Зиммеля «Большие города и духовная жизнь» (1903). Как и работы других немецких мыслителей рубежа

веков, зиммелевская интерпретация опыта жизни в современном мегаполисе во многом перекликается с одновременно создававшимися в литературе художественными образами города. Аспекты жизни мегаполиса, освещенные Зиммелем, организуют все уровни повествования в модернистском «романе большого города».

Ключевые слова: Зиммель, урбанизм, мегаполис, модернизм, «роман большого города».